

ПРЕДАНИЯ ШОТЛАНДИИ

ПРОРОЧЕСТВА
ТОМАСА РИФМАЧА

ЯУА

МОСКВА

УДК 398.21(410.5)
ББК 82.3(3)
П71

П71 **Предания Шотландии. Пророчества Томаса Рифмача / перевод А. С. Соколовой-Кочегаровой. — Москва : Эксмо : Яуза, 2025. — 416 с.**

ISBN 978-5-04-200942-6

Шотландия — самая таинственная область островного государства Великобритания. Культура и мифология Шотландии очень самобытна, а ее население делится на жителей низин и горцев.

Предания Шотландии рассказывают о ее прошлом и заглядывают в будущее. Знаменитый бард Томас Лермонт (Томас Рифмач) был далеким предком русского поэта Михаила Лермонтова и одним из собирателей преданий. Вдохновение в шотландской старине и преданиях искал знаменитый Вальтер Скотт. В этой книге собраны истории из разных областей Шотландии о прекрасной стране фей (страна Фэйри), морском народе, эльфах, скале Мерлина, карлике Снорро, ведьме из Файфа, битве птиц и морской деве. Среди героев преданий жители Шотландии и различные представители животного мира острова. Многие предания пропитаны национальным самосознанием шотландцев, а другие хорошо вписываются в общеевропейскую мифологию и мир сказок.

УДК 398.21(410.5)
ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-04-200942-6

© Соколова-Кочегарова А.С.,
перевод на русский язык, 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025
© ООО «Издательство «Яуза», 2025

Томас Рифмач

СРЕДИ ВСЕХ ГАЛАНТНЫХ кавалеров в Шотландии в XIII веке не было никого любезнее и приятнее в обхождении, чем Томас Лермонт, лэрд замка Эрсилдун в области Бервика.

Он любил книги, поэзию и музыку — подобные вкусы нечасто встречались в ту эпоху, — а наипаче всего ему нравилось изучать природу и наблюдать за повадками зверей и птиц, что селились в полях и лесах вокруг его дома.

Так и случилось, что в одно солнечное майское утро Томас покинул Башню Эрсилдун и отправился бродить по лесу близ ручья Хантли, небольшого водного потока, что стремительно бежал со склонов Эйлдонских холмов. Было погожее утро — свежее, ясное и теплое, — и все окрест было прекрасно, как в раю.

Из почек пробились нежные листья, покрыв деревья свежей тонкой мантией зелени; а посреди ковра из мха под ногами юноши желтые примулы и яркие анемоны поднимали свои цветки к утреннему небу.

Маленькие птички заливались пением во всю глотку, а сотни насекомых летали взад-вперед в солнечных лучах; в то время как внизу у ручья яркоглазые водяные крысы высовывали свои мордочки из нор, как будто они думали, что наступило лето, и хотели принять участие во всем происходящем.

Томас Рифмач выступает перед юным королем
Шотландии Александром III

Томас был так рад общему веселью, что припал к корням дерева, чтобы понаблюдать за живностью вокруг него.

Лежа там, он услышал топот конских копыт, как будто животное прокладывало себе путь сквозь кусты, и, посмотрев вверх, узрел самую прекрасную леди, какую когда-либо видел, скачущую к нему на серой дамской верховой лошади.

На ней был охотничий костюм из блестящего шелка цвета свежей весенней травы; с ее плеч свисала бархатная накидка, которая идеально подходила к юбке для верховой езды. Ее светлые волосы, словно струящееся золото, свободно ниспадали на плечи, а на голове сверкала диадема, украшенная драгоценными камнями, которые вспыхивали как пламя на солнечном свете.

Ее седло было сделано из чистой слоновой кости, а чепрак — из кроваво-красного атласа, подпруги — из шелковых жгутов (*corded silk*), а стремена вырезаны из хрусталя (*of cut crystal*). Поводья ее лошади были из чеканного золота, украшенные маленькими серебряными колокольчиками; когда она ехала, они издавали волшебную музыку.

По-видимому, она и правда выехала на охоту, поскольку при ней был охотничий рог и пучок стрел; а за ней следовали семь борзых на привязи, в то время как множество гончих, взявших след, свободно бежали рядом с ее лошастью.

Она напевала старую шотландскую песню, пока скакала через долину; и она выглядела столь царственно, а ее одеяние было столь пышным, что Томасу захотелось почтить ее, преклонив колени, ему показалось, будто перед ним сама Пресвятая Дева Мария (*Blessed Virgin*).

Но когда всадница подъехала к нему и прочла его мысли, она печально покачала головой:

— Я не та Благословенная Леди, о коей ты подумал, — сказала она. — Люди называют меня королевой,

но они из далекой земли; ибо я — Королева Страны Фэйри, а не Царица Небесная.

И, бесспорно, сказанное ею выглядело правдивым, ибо в тот миг Томас, словно подпав под ее чары, позабыл об осторожности, предусмотрительности, да и просто о здравом смысле.

Ведь он знал, как опасно для смертных связываться с Фэйри; все же он был столь околдован ее красотой, что умолял леди о поцелуе. Именно этого она добивалась, ибо знала, что, поцеловав его, обретет над ним власть.

И, к ужасу юноши, стоило их губам встретиться в поцелуе, как ее постигла ужасная перемена. Прекрасная накидка и шелковая юбка для верховой езды, казалось, исчезли, оставив ее одетой в длинное серое одеяние цвета пепла. Ее красота тоже испарилась, и теперь она выглядела старой и болезненной; и хуже того, ее густые светлые волосы поседели прямо у него на глазах. Заметив изумление и ужас бедолаги, она разразилась издевательским смехом.

— Сейчас я не столь прекрасна, как на первый взгляд, — сказала она, — но это не важно, поскольку ты уже принадлежишь мне, Томас, и быть тебе моим слугой семь долгих лет. Кто бы ни поцеловал Королеву Фэйри, тот обязан последовать за ней в Страну Фэйри и служить ей там, пока не истечет назначенный срок.

Услышав эти слова, бедный Томас пал на колени, умоляя ее о милосердии, но все было тщетно. Королева Фэйри лишь рассмеялась ему в лицо и направила свою сеюру в яблоках лошадь поближе к тому месту, где он стоял.

— Нет, об этом не может быть и речи, — ответила она на все его мольбы. — Ты попросил о поцелуе, а теперь расплатишься за него. Так что не будем терять время: садись на лошадь позади меня, настало время уезжать.

И вот Томас со множеством вздохов и ужасных стонов взобрался на лошадь позади нее; и едва он сие сде-

лал, как она тронула поводья и ее серая кобыла умчалась восвояси.

Они скакали, не останавливаясь ни на миг, и неслись быстрее ветра, пока не оставили позади Землю Людей, прибыв к краю огромной пустыни, что простиралась перед ними до самого горизонта голая, сухая и безлюдная.

По крайней мере, так показалось измученным глазам Томаса из Эрсилдуна, и он поинтересовался, неужто им придется пересечь пустыню, а если так, то каковы шансы, что они выживут в ней.

Но Королева Фэйри внезапно натянула поводья, и ее серая лошадь резко остановилась.

— Теперь ты должен сойти на землю, Томас, — сказала леди, мельком взглянув через плечо на своего несчастного пленника. — Наклонись и положи голову на мое колено, и тогда я открою тебе три скрытые вещи, недоступные глазам смертных.

Тогда Томас спешился, склонился и уместил свою голову на колено Королевы Фэйри; и стоило ему снова посмотреть на пустыню, как все перед его глазами изменилось. Его взгляду открылись три различных пути, не замеченные им прежде.

Первая дорога была широкой и ровной, так что, даже когда она проходила по песку, никто, путешествуя по ней, не заблудился бы.

Вторая дорога во всем отличалась от первой. Она была узкой, длинной и извилистой; по одну ее сторону проходила колючая изгородь, а по другую — заросли шиповника; и эти живые изгороди вымахали так высоко, а их ветви столь спутались, что тех, кто избрал сей путь, ждало бы не легкое путешествие.

А третий путь был совсем не похож на два другие. Это была прекрасная дорога, что вилась между холмов, среди папоротника, вереска и золотисто-желтых кустов

дрока; путешествие по ней представлялось очень приятным.

— Теперь я поведаю тебе, куда ведут эти три пути, — сказала Королева Фэйри. — Первая дорога, что ты видишь, широкая, гладкая и удобная, и многие предпочтут избрать ее. Но, как бы хороша ни была эта дорога, заканчивается она дурно, а люди, которые последуют по ней, будут сокрушаться о своем выборе вечно.

Что касается узкой дороги, путь по коей затрудняют колючки и шиповник, многие озаботятся узнать, куда она ведет. Но если бы они спросили об этом, быть может, многие из них загорелись бы желанием одолеть ее. Ибо это дорога праведности; и несмотря на то, что она трудна и утомительна, она заканчивается в чудесном городе, который называется Город Великого Короля.

А куда ведет третий путь — прекрасная дорога, что бежит меж склонов холмов среди папоротника, — того не ведает ни один смертный, но мне ведомо, куда она ведет, Томас, поскольку она ведет в Землю Фэйри; и именно этой дорогой мы последуем.

И попомни мои слова, Томас: если ты надеешься когда-нибудь увидеть свою Башню Эрсилдун, придержи свой язык, когда мы достигнем конца нашего путешествия, и не говори ни единого слова никому, кроме меня, — ибо если смертный безрассудно откроет рот в Земле Фэйри, то он должен оставаться там до конца своих дней.

Затем она снова приказала ему сесть на лошадь позади нее, и они поехали дальше. Однако дорога в зарослях папоротника не была столь же хороша, как в начале, на протяжении всего пути. Они проехали по ней не так уж далеко, когда она завела их в узкую лощину, которая, похоже, спускалась все ниже, уходя под землю, туда, где не было ни единого луча света, чтобы указать им путь, и самый воздух был сырым и тяжелым. Отовсюду слы-

шалось, как стремительно льется вода, и в конце концов серая лошадь окунулась прямо в нее, а вода все прибывала, холодная; поначалу она захлестнула ступни Томаса, потом — колени.

Его отвага медленно угасала по мере того, как мерк дневной свет, а теперь он и вовсе подумал, что ему конец; поскольку ему показалось несомненным, что ему с его странной спутницей не добраться живыми до конца их путешествия.

Он едва не потерял сознание, и если бы он не держался крепко за пепельно-серое одеяние леди Фэйри, ручаясь, что он упал бы со своего места и утонул.

Но все дурное или хорошее когда-нибудь проходит, и наконец темнота начала светлеть, и света становилось все больше, пока они не выбрались на свет божий.

Потом Томас набрался храбрости и поднял глаза: они скакали через прекрасный фруктовый сад, где в изобилии росли яблоки и груши, финики и инжир, а также смородина и крыжовник. А у него так пересохло во рту и он так ослабел, что безмерно жаждал полакомиться этими фруктами, чтобы восстановить силы.

Он протянул руку, чтобы сорвать фрукт, но его спутница повернулась в седле и одернула его:

— Не безопасно тебе тут есть ничего, — сказала она, — кроме яблока, кое я тебе ныне преподнесу. Тронешь тут что-нибудь еще — и останешься в Земле Фэйри навечно.

Пришлось бедному Томасу держать свои желания в узде; и ехали они медленно, пока не достигли маленького деревца, усыпанного яблоками. Королева Фэйри нагнулась и сорвала одно из них, протянув своему спутнику.

— Это я отдаю тебе, — сказала она, — и делаю сие с радостью, ибо это Яблоки Правды; и кто бы ни получил сию награду, с его губ более не сорвется ни слова лжи.

Томас взял яблоко и съел его, и с тех пор благодатный привкус Правды остался на его губах, вот почему впоследствии люди прозвали его «Правдивый Томас».

После этого им осталось проехать совсем немного, прежде чем они узрели величественный замок на холме.

— Вон там я живу, — сказала королева, горделиво указав в ту сторону. — Там проживают мой Лорд и знать при нашем дворе; и поскольку у моего Лорда вздорный нрав и ему не по душе кавалеры, коих видят со мной, я прошу тебя ради нас с тобой не отвечать никому, кто бы с тобой ни заговорил; а если кто-то спросит меня о тебе, я скажу, что ты немой. Так ты останешься незамеченным даже в толпе.

С этими словами леди подняла свой охотничий рог и протрубила зычный пронзительный сигнал; и стоило ей это сделать, как ее снова постигла чудесная перемена: уродливое пепельное одеяние пропало, как и седина в ее волосах, и на ней снова оказались зеленая юбка для верховой езды и накидка, а ее лицо стало молодым и прекрасным.

Это удивительное превращение коснулось и Томаса: рискнув бросить взгляд назад, он обнаружил, что его грубая сельская одежда превратилась в костюм из отличной коричневой ткани, а на его ногах очутились атласные туфли.

Едва прозвучал рог, как ворота замка распахнулись, и Король поспешил навстречу Королеве в сопровождении такого числа рыцарей и знатных дам, менестрелей и пажей, что Томас, успевший соскользнуть с ее верховой лошади, без труда проник в замок незамеченным, соответственно ее желаниям.

Все, похоже, были очень рады снова видеть Королеву, и ее свита столпилась в Великой Зале, а она милостиво заговорила с ними, позволив поцеловать свою руку. Затем она вместе с мужем поднялась на помост в дальнем

конце залы, где стояли два трона, на них и разместилась царственная чета, дабы наблюдать за начавшимся празднеством.

Тем временем бедный Томас остался стоять в дальнем конце Великой Залы, чувствуя себя очень одиноко, но все же очарованный потрясающим зрелищем, на кое он взирал.

Пока все эти прекрасные дамы, придворные и рыцари танцевали в одной части Великой Залы, в другую ее часть охотники приносили свежеебитых, увенчанных ветвистыми рогами оленей и клали их на пол. Вокруг убитых животных роились повара, отрезавшие от них куски мяса для жарки и уносившие их на кухню.

Увлеченный лицезрением этой странной, фантастической сцены, Томас не замечал, как летит время, но он стоял и молча глазел на происходящее перед ним. И так продолжалось три долгих дня, затем Королева поднялась со своего трона и, сойдя с помоста, пересекла залу, подойдя к тому месту, где он застыл.

— Настало время отправляться в путь, — сказала она, — если ты желаешь опять узреть прекрасный замок Эрсиддун.

Томас посмотрел на нее в изумлении:

— Ты говорила о семи долгих годах, но я пробыл тут всего три дня.

Королева улыбнулась и ответила:

— В Земле Фэйри время летит быстро. Ты полагаешь, что минуло всего три дня. Но прошло семь лет со дня нашей встречи. А теперь пришло время тебе уйти. Я бы охотно осталась в твоём обществе подольше, но не риску ради твоего же блага. Ибо каждый седьмой год злой дух спускается к нам из Областей Тьмы и уносит с собой кого-то из наших людей. А поскольку ты парень видный, я опасаюсь, что его выбор может пасть на тебя. Посему,

раз я не желаю, чтобы с тобой случилось дурное, я отвезу тебя назад в твою страну этой же ночью.

Вновь привели серую верховую лошадь, и Томас с Королевой сели на нее; а как только они это сделали, то сразу же возвратились к Древу Эйлон близ ручья Хантли.

Засим Королева простилась с Томасом; и он попросил ее подарить ему на прощанье нечто, могущее убедить людей в том, что он действительно побывал в Земле Фэйри.

— Я уже пожаловала тебе Дар Правды, — ответила она. — А сейчас я одарю тебя Талантами к Прорицанию и Поэзии, так что ты сможешь предсказывать будущее и писать дивные стихи. А помимо этих незримых даров вот тебе то, что смогут узреть смертные, — Арфа, созданная в Земле Фэйри. В добрый путь, друг мой! Быть может, однажды я вернусь за тобой.

С этими словами леди Фэйри исчезла, а Томас, правду сказать, остался наедине с легкой грустью от расставания с блистательным прошлым по возвращении в обыденный Мир людей.

После этого он прожил много лет в замке Эрсидун, молва о его стихах и пророчествах разнеслась по всей Шотландии, так что люди называли его Правдивый Томас, или Томас Рифмач.

Я не могу привести тут все пророчества, изреченные Томасом, — а большая их часть, несомненно, исполнилась, — но я поведаю вам несколько из них.

Он предсказал битву при Бэннокберне в следующих словах:

*Хлебный ручей
Потечет алым от вражьей крови¹.*

¹ *The burn of Breid
Shall rin fou reid.*

Это предсказание исполнилось в тот день, когда воды маленького ручья Бэннокберн покраснели от крови разбитых в сражении англичан¹.

Он также предсказал Объединение Корон Шотландии и Англии под властью принца, который будет сыном французской королевы, и в чьих жилах будет течь кровь короля Роберта Брюса.

*Несмотря на то, что суждено ему пасть,
Лев² станет правителем всего;
То будет сын французской королевы,
Он править станет всей Британией до моря;
Из рода Брюсов будет он по крови
В девятом поколеньи, я предвижу³.*

¹ Vannock burn — шотландский писатель Уолтер Скотт в примечаниях к своему стихотворному изложению пророчеств Томаса Рифмача поясняет, что имеется в виду именно этот ручей.

Vannock — у шотландцев это также большая ритуальная лепешка, которую приносили в жертву на праздновании Белтайна даже в конце XVII века. Об этом упоминается в моем переводе книги Джона Преббла «Гленко».

Кстати, хотя составитель книги считает этот день ужасным, я считаю, что это один из лучших дней в истории Шотландии. В замке Стирлинг можно посмотреть превосходную реконструкцию этой битвы. Как рассказывали шотландцы, в день битвы при Бэннокберне через этот ручей можно было перейти не намочив ноги, так много англичан осталось лежать в нем. (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

² Лев изображен на королевском знамени Шотландии.

³ Это предсказание исполнилось в 1603, когда король Джеймс, сын Марии Стюарт, стал монархом обеих держав. В книге пророчество урезано, Артем Назин восстановил первые две строчки по стихотворению Уолтера Скотта:

However it happen for to fall,
The lyon shall be lord of all;
The French Quen shall bearer the sonne,
Shall rule all Brittainne to the sea;
Ane from the Bruce's blood shal come also,
As neere as the ninth degree.

Прошло четырнадцать долгих лет, и люди стали забывать о том, что Томас Рифмач побывал в Земле Фэйри; но однажды разразилась война между Шотландией и Англией, и шотландская армия встала лагерем на берегах Твида, недалеко от Башни Эрсилдун.

И Повелитель этой Башни вознамерился устроить пир и пригласить всю знать и баронов, возглавлявших войско, отужинать с ним.

Тот пир запомнился всем надолго.

Поскольку лэрд Эрсилдун позаботился о том, чтобы застолье было роскошным, а когда трапеза подошла к концу, он поднялся со своего места, взяв свою Арфу, творение Фэйри, и пел собравшимся гостям песню за песней о делах давно минувших дней; в глубине души они понимали, что никогда больше не услышат столь чудесную музыку. И так все и вышло.

Ибо той же ночью, когда вся знать разошлась по своим шатрам, солдат, стоявший на страже, увидел при свете Луны, как белоснежные олени с оленихой медленно шествуют по дороге, идущей мимо лагеря.

В поведении животных было что-то необычное, так что он позвал офицера выйти и посмотреть на них. А тот офицер кликнул других офицеров, и вскоре уже целая толпа двигалась за животными, шагавшими столь безмолвно и торжественно, словно они слышали музыку, недоступную ушам смертных.

— В этом есть нечто таинственное, — сказал наконец один солдат. — Давайте пошлем за Томасом из Эрсилдуна; быть может, он сможет растолковать нам, знамение это или нет.

— Да, пошлем за Томасом из Эрсилдуна! — тут же закричали все. Тогда маленького пажа поспешно послали в старую Башню, чтобы пробудить Рифмача ото сна.

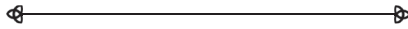
По мере того как провидец слушал мальчика, его лицо приобрело непроницаемо-серьезное выражение.

— Меня призывает Королева Фэйри, — сказал он тихо. — Я давно ждал вызова от нее, и вот это наконец произошло.

И, выйдя наружу, вместо того чтобы присоединиться к небольшой компании ожидающих, он направился напрямик к белоснежным оленю и оленихе. Как только он подошел к ним, они на мгновение остановились, как будто приветствуя его. Затем все трое медленно спустились по крутому склону к небольшой реке Лодер и исчезли в ее пенных водах, ибо поток ее в это время года был широк и полноводен.

И несмотря на самые тщательные поиски, никаких следов Томаса из Эрсилдуна так и не обнаружили; и по сей день селяне верят, что олень и олениха были посланцами Королевы Фэйри и что он возвратился в Землю Фэйри вместе с ними.

Золотое и Серебряное Древо

ЖИЛА В СТАРИНУ МАЛЕНЬКАЯ принцесса по имени Золотое Древо, и была она одной из самых прелестных девочек на всем свете. Несмотря на то, что ее мать умерла, она жила очень счастливо, поскольку отец горячо любил ее и стремился порадовать свою маленькую дочку, невзирая ни на какие тяготы. Но по прошествии времени он снова женился, и с этого начались невзгоды для маленькой принцессы.

Его новая жена, которую звали — смешно сказать — Серебряное Древо, была очень хороша собой и завистлива; для нее была непереносима мысль, что однажды она повстречает кого-то, кто красивее, чем она.

Обнаружив, что ее падчерица очень мила на вид, она сразу же невзлюбила ее и, глядя на нее, всегда задавалась вопросом: что, если люди считают ту более красивой, чем она сама? И поскольку в глубине души мачеха подозревала, что так оно и есть, она очень неприязненно относилась к бедной девочке.

Однажды, когда принцесса Золотое Древо уже подросла, две леди отправились на прогулку к небольшому роднику, скрытому за деревьями посреди глубокой долины.

Вода в том роднике была так чиста, что всякий видел в нем свое отражение; и гордая королева любила приходить туда и смотреться в него, словно в зеркало.

Но в тот день, заглянув в него, она увидела маленькую форель, которая бесшумно плавала взад-вперед недалеко от поверхности воды.

— Рыбка, рыбка, ответь мне: я ли самая прекрасная женщина на всем свете? — попросила королева.

— Нет, не ты, — уверенно и быстро ответила форель, выпрыгнув из воды, чтобы проглотить муху.

— Тогда кто самая красивая женщина? — разочарованно спросила королева, ожидавшая совсем иного ответа.

— Несомненно, что это твоя падчерица, принцесса Золотое Дерево, — сказала маленькая рыбка, затем, испугавшись злобного взгляда завистливой королевы, она нырнула на дно родника.

Неудивительно, что после этого выражение лица королевы было не слишком приятным, когда она метнула гневный взгляд на свою прекрасную юную падчерицу, собиравшую цветы неподалеку.

Безусловно, ее очень раздражала одна лишь мысль, что кто-то может сказать, что девочка красивее, чем она; так что, потеряв самообладание, она возвратилась домой, неистовствуя в душе, прошла в свои покои и кинулась на постель, заявив, что очень больна.

Тщетно принцесса Золотое Дерево расспрашивала, что случилось и что она может сделать для нее. Она не позволила бедной девочке дотронуться до себя, но оттолкнула ее от себя, как будто та сделала нечто дурное. Так что принцессе пришлось оставить мачеху в одиночестве и выйти из ее покоев в глубокой печали.

Через некоторое время король возвратился домой с охоты и тут же спросил о королеве. Ему сообщили, что

она заперлась в своих покоях из-за внезапного недомогания и лежит в постели и никто, включая спешно вызванного придворного медика, не в силах понять, что с ней стряслось.

В сильной тревоге — ибо он действительно любил ее — король поспешил к ее постели и спросил королеву, как она себя чувствует и что он может сделать, чтобы облегчить ее состояние.

— Да, есть одна вещь, кою ты мог бы сделать для меня, — жестко ответила она, — но я абсолютно уверена, что ты не сделаешь этого, даже если это будет единственное, что может принести мне исцеление.

— Нет, что ты, — сказал король. — Я лучше, чем ты обо мне говоришь, ибо тебе ведомо, что я дам тебе все, что бы ты ни попросила, даже если речь пойдет о половине моего королевства.

— Тогда дай мне съесть сердце твоей дочери, — крикнула королева, — так как если я не получу его, то вскоре умру!

Она сказала это с таким диким видом и столь странно посмотрела на него, что бедный король решил, что его супруга повредилась рассудком, и мучительно раздумывал, что ему теперь делать. Он вышел из комнаты и в великой горести расхаживал по коридору, пока не вспомнил, что этим утром в его страну прибыл сын великого короля из-за моря, чтобы просить для себя руки его дочери.

— Вот и выход из затруднения, — сказал он себе. — Эта свадьба порадует меня безмерно, и я отпраздную ее немедленно. А когда моя дочь будет в безопасности за пределами моего королевства, я пошлю слугу в холмы и он убьет козла, сердце животного приготовят и подадут моей жене. Возможно, это излечит ее от безумия.

Тогда он призвал к себе заморского принца и сказал ему, что королеву постиг внезапный недуг, из-за кое-

